

А.М. Насуева

ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РАННЕЙ ПОЭЗИИ А.А. БЛОКА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЛИРИЧЕСКОГО ГЕРОЯ В ТЕКСТЕ*

Аннотация

В статье рассматриваются особенности построения пространства в ранней лирике А.А. Блока, его модификации, а также обусловленность создания хронотопа внутренними противоречиями лирического героя и автора, что определяет антиномичность блоковского творчества. На примере стихов, входящих в первый том трилогии, выявлено, как особенности художественного пространства-времени влияют на своеобразие формирования поэтической системы Блока. Показано, что хронотоп не только определяет особенности субъектно-объектной системы художественного мира, но также представляет собой продукт творческого осмысления художником действительности, являясь, по сути, слепком его мышления. Поэтому было произведено его рассмотрение с онтологических позиций и «вычисление», насколько это возможно, пространственно-временных координат личности поэта; осуществлено изучение хронотопа с точки зрения его смыслообразующей функции внутри условной реальности в соотношении с ориентацией лирического героя во времени и пространстве. В итоге был сделан вывод: хронотопу первого тома свойственны интенциональность, выраженная в «устремленности» героя из пространства его фактического пребывания (хронотоп переживания), и медиатическое время-пространство (здесь хронотоп переживания – фактическое настоящее – выступает как медиатор между двумя планами действительности). Была установлена многомерность хронотопа первого тома, которая может быть пространственной и временной. Многомерность обуславливается также символической природой творчества Блока, при которой второй план часто важнее первого, отсутствует настоящее и возникает минус-пространство, появляется нулевой хронотоп, или интроспективное пространство («сворачивание» пространства, когда сознание сконцентрировано на взгляде «изнутри»), оформляется полифункциональность хронотопа. Это его наиболее важная особенность, которая порождает возможность реализации альтернативных путей для лирического героя в дальнейшем. Все вышеперечисленное можно назвать точкой отсчета, позволяющей перейти к дальнейшему исследованию «поэтики противоречий» Блока.

Ключевые слова

А.А. Блок; хронотоп; антиномичность; мифопоэтическое пространство; лирический герой; автор; «идея пути».

* Исследование выполнено в ИМЛИ им. А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00248, <https://rscf.ru/project/24-18-00248/>.

A.M. Nasueva

SPATIOTEMPORAL CHARACTERISTICS OF A.A. BLOK'S EARLY POETRY AND THE FUNCTIONING OF THE LYRICAL HERO IN THE TEXT**

Abstract

The article considers the features of space construction in the early A.A. Blok's lyrics, its modifications, as well as the conditionality of the creation of the chronotope by the inner contradictions of the lyrical hero and the author, which determines the antinomy of Blok's work. Based on the poems included in the first volume of the trilogy, the paper reveals how the specific qualities of artistic space-time affect the originality of Blok's poetic system formation. It is shown that not only does the chronotope determine the features of the subject-object system of the artistic world, but also represents a product of the artist's creative understanding of reality, being, in fact, an "imprint" of their thinking. Therefore, it was necessary to consider chronotope from an ontological point of view "calculating", as far as possible, the spatial and temporal coordinates of the poet's personality and also to carry out a study of the chronotope from the point of view of its meaning-forming function within a conditional reality of the text in relation to the lyrical hero orientation in time and space. As a result, it was revealed that the chronotope of the first volume is characterized by: intentionality, expressed in the "striving" of the hero from the space of his actual stay (chronotope of experience); mediatic time-space: the chronotope of experience (actual present) acts as a mediator between two planes of reality. The multidimensionality of the chronotope of the first volume was established, which can be spatial and temporal. Multidimensionality is also conditioned by the symbolic nature of Blok's creativity. Thereby the second plan is often more important than the first; the present is absent and a negative space arises; a zero chronotope (or an introspective space) appears, so we can see the space "folding" (when consciousness is concentrated on looking "from the inside"); the polyfunctionality of the chronotope is formed as the most important feature, which gives rise to the possibility of implementing alternative paths of the lyrical hero in the future. All of the above can be called a kind of foundation that allows us to move on to a more thorough study of Blok's "poetics of contradictions".

Keywords

Chronotope; antinomy; mythopoetic space; A. Blok, lyrical hero; author; path concept.

Противоречивость поэтики А. Блока не раз отмечалась исследователями. Например, В.Н. Быстров, приводя примеры высказываний, в которых подмечается эта блоковская черта, резюмировал: эти «блоковские противоречия до сих пор не рассматривались как многоуровневая, многоаспектная проблема» [Быстров 2008, 29]. Иными словами, утверждения такого рода зачастую основываются в большей степени на внутреннем ощущении, нежели

** The research was carried out at A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences with the financial support of the Russian Science Foundation, project no. 24-18-00248, <https://rscf.ru/project/24-18-00248/>.

на конкретных фактах. Подмечая, что сам Блок при этом «не склонен был признавать очевидность своих тотальных противоречий» [Быстров 2008, 29], Быстров приходит к следующему выводу: «Однако для самого поэта подобные антиномии не были чем-то необычным. Причем нередко речь шла о вещах не столь уж отвлеченных. Возможно, Блок, и подсудно, и сознательно стремясь к «единству и цельности всех проявлений личности», духовному равновесию, хотел обрести своеобразную «гармонию противоречий». “Объективную гармоническую опору” ему было сложно найти, поскольку постоянно двоилось его сознание, менялись мысли, взгляды, суждения. Это то и дело проявлялось даже в частностях, в сиюминутной, повседневной действительности» [Быстров 2008, 31]. Такая гармония противоречий, «логика противоречий, разрешаемых синтезом» [Федотова 2019, 262], может быть определена как антиномичность. В этой работе мы попытаемся обосновать особенности блоковского мироощущения и поэтики через анализ хронотопа первого тома трилогии и действующего в нем лирического героя.

Чтобы определить, каким образом художественное время-пространство в ранней лирике Блока определяет идейную составляющую его первого тома и влияет на понимание всей трилогии и концепции пути в ней, необходимо еще раз сказать о характерных чертах хронотопа и его смыслообразующей функции в художественном тексте.

Известно, что «хронотоп», являясь, по определению М.М. Бахтина, формально-содержательной категорией [Бахтин 1975, 235], с одной стороны, становится рамкой, в пределах которой функционирует художественный мир произведения, с другой – между пространственно-временными характеристиками произведения и его идейной стороной присутствует каузальная связь, обуславливающая смыслообразующую функцию хронотопа. В некоторых работах она рассматривается в качестве функции высшего порядка, которая может быть проанализирована в совокупности формирующих ее подфункций – онтологической, антропоцентрической, эстетической, сюжетообразующей, символической, которые работают «на создание смыслов в художественном тексте, а значит, реализуют основную функцию хронотопа – смыслообразующую» [Повалко 2016, 110].

Обращение к пространственно-временной характеристике образов ранней поэзии Блока как к самостоятельной проблеме объясняется этой формально-содержательной природой хронотопа. Более того, анализ этот может быть одним из показательных для лирических текстов. М.М. Бахтин, вводя в литературоведческий дискурс понятие хронотопа, делал это на примере жанра романа. Но поэзия Блока как единый гипертекст образует своеобразный стихотворный роман-трилогию, куда входят лирические и лиро-эпические произведения. Поэтому изучение пространственно-временных образов отдельных «глав» романа, их частных хронотопов способно прояснить сущность общего хронотопа стихотворного романа поэта. Анализ общего хронотопа блоковского единого текста должен идти от частного к общему. И логично начать его с рассмотрением ранних поэтических произведений.

Такая концептуальная связь, образовавшаяся внутри текстов разных периодов, обусловлена важностью мифологемы пути в творческом сознании Блока. Трилогия вочеловечения – это эстетически оформленное, ретроспективно осмысленное видение поэтом своего индивидуального развития. Этот индивидуально-поэтический путь реализуется с опорой на пространственно-временные

координаты личности, поэтому для понимания блоковского пути необходимо выделить особенности ориентации в пространстве-времени его лирического героя.

Очевидно, что время-пространство художественного произведения имеет своим источником объективную действительность, только творчески переосмысленную: «... художественный мир – это не только отражение, но и концепция объективного мира, его оценка, его версия; <...> Именно потому, что художественный мир представляет собой органическое единство объективного мира и мира сознания художника, он не есть копия, фотография объективного мира: он с ним связан и от него независим, он сотворен художником <...> по своему образу и подобию» [Федотов 1988, 5].

Действительно, для понимания объективного пространства и времени важен личностный компонент: воспринимающий реципиент, делающий это пространство ценностно насыщенным. Творческая переработка объективной реальности создает время-пространство художественной условности, которое формируется, исходя из того, как воспринимает себя в пространстве и времени его творец. При этом художественная реальность также начинает преобразовываться в процессе явления ее лирическим героем читателю. Таким образом возникает «двойная кодировка» реального мира биографическим автором и лирическим героем.

В этой связи особенно остро встает вопрос об их соотношении, о возможности сопоставления видения мира автором-творцом, создателем художественной реальности, и лирическим героем, в ней функционирующем. Отсюда вытекает необходимость анализа пространственно-временных координат личности биографического автора, их особенностей и того, какое влияние они оказали на функционирование лирического героя в пространственно-временных координатах текста.

Таким образом, хронотоп является творческим пересозданием лично переживаемого автором объективного пространства-времени, что делает его своего рода «переживанием переживания», но уже в эмоциональном мире лирического героя. Эта особенность помогает уловить антропоцентрический аспект произведения: связь лирического героя с хронотопом, то есть пространственно-временные координаты личности – самовосприятие и самоактуализацию героя, их взаимодействие, что существенно определяет внутреннюю эволюцию лирического героя и изменение поэтики произведения в целом.

Говоря о тесной связи, существующей между хронотопом и функционированием в нем героя, необходимо обратиться к Ю.М. Лотману. При этом стоит отметить, что Лотман делает упор в своих размышлениях на категорию пространства, разумеется, ценностно насыщенную. «Художественное пространство в литературном произведении – это континуум, в котором размещаются персонажи и совершается действие. Наивное восприятие постоянно подталкивает читателя к отождествлению художественного и физического пространства» [Лотман 1988, 258]. Пространство представляет собой субъективную «модель мира данного автора», при этом оно может брать на себя дополнительные функции, далеко выходящие за рамки чисто пространственных отношений: «...художественное пространство становится формальной системой для построения различных, в том числе и этических, моделей, возникает возможность моральной характеристики литературных персонажей через соответствующий им тип художественного пространства, которое выступает

уже как своеобразная дуплановая локально-этическая метафора» [Лотман 1988, 256].

Понятие хронотопа далее будет рассматриваться с учетом его определяющей роли в выстраивании ценностных структур текста. Как видно из реферирования различных точек зрения на этот счет, хронотоп не только условное обозначение пространства и определение времени, в которых функционируют герои, «условный» фон: он сам, с одной стороны, участник событий, с другой – условие существования этих событий вообще.

Поскольку хронотоп, как мы убедились, тесно связан с блоковской идеей пути, рассмотрим, как реализуется «путь» в мифопоэтическом пространстве. Путь ведет к центру пространства – месту эпифании, то есть месту сакральному. Иными словами, путь – это то, что «связывает <...> самую отдаленную и труднодоступную периферию и все объекты, заполняющие и/или образующие пространство, с высшей сакральной ценностью, находящейся в центре...» [Топоров 1983, 258]. Движение по пути актуализирует само пространство через освоение его в стремлении к высшей ценности. Основная характеристика пути – трудность его преодоления, это «уже есть подвиг, подвижничество со стороны идущего подвижника, путника» [Топоров 1983, 259]. При этом начало и конец пути не абстрактные точки пространства, они обладают подспудной семантической наполненностью: начало пути есть естественный локус путника, конец – обиталище сакрального или место преодоления препятствия на пути к нему. Через начало и конец «путь осуществляет свою установку на роль медиатора: он нейтрализует противопоставления этого и того, своего и чужого, внутреннего и внешнего, близкого и далекого, <...> сакрального и профанического» [Топоров 1983, 260].

Различаются два вида пути, что также важно иметь в виду: первый – путь, характеризующийся поступательным движением в сторону сакрального, «прямой путь», движение без отступлений на пути к цели; второй – путь к периферии, «мешающей соединению с этим сакральным центром или же уменьшающей сакральность этого центра». Топоров подчеркивает, что второй тип развития наиболее часто реализуется в мифопоэтических текстах: сакральные ценности приобретаются не сразу, через отдаление от них и риск. Кульминационный момент связан с пограничностью локуса пути, он располагается на «стыке двух частей, указывающих на границу-переход между двумя по-разному устроенными пространствами (отсюда особая выделенность всех вариантов границы: порог, дверь, лестница, окно, мост и т. д.)» [Топоров 1983, 263]. Этот отрезок пути оказывается решающим, так как ставится под вопрос возможность его преодоления. Топоров делает в конечном итоге следующий вывод: «... для мифопоэтического сознания путь, не совпадая с пространством, выступает как его квинтэссенция, его интенсифицирующая сумма, его линейный одномерный образ. Само пространство определяется через совокупность путей, которые могут находиться в нем...» [Топоров 1983, 271]. Таким образом, противопоставленное бытовому и объективному мифопоэтическое пространство художественного текста обладает дополнительными ценностными характеристиками, которые выражают авторский взгляд на мир и определяют своеобразие его лирического героя.

Одной из характерных особенностей пространства лирического героя Блока является то, что это пространство может быть названо *интенциональным*: это пространство стремления или ретроспективного переживания.

Присутствие же героя в настоящем зачастую способствует только внедрению мысленного импульса в прошлое или будущее, т. е. «переносу» сознания. Часто фиксация настоящего момента служит у Блока поводом для развертывания воображаемого плана будущего. Сравним два похожих по структуре стихотворения:

* * *

Город спит, окутан мглою,
Чуть мерцают фонари...
Там далёко, за Невую,
Вижу отблески зари.
В этом дальнем отраженьи,
В этих отблесках огня
Притаилось пробужденье
Дней тоскливых для меня...
23 августа 1899

[Блок 1997, 24–25].

* * *

Белой ночью месяц красный
Выплывает в синеве.
Бродит призрачно-прекрасный,
Отражается в Неве.

Мне провидится и снится
Исполнение тайных дум.
В вас ли доброе таится,
Красный месяц, тихий шум
22 мая 1901

[Блок 1997, 58].

В обоих стихотворениях точно определено фактическое пространство – Петербург. Это нетипично для стихов первого тома, в которых пространство Петербурга или, например, Шахматова может угадываться чаще опосредованно, через детали и по большей части художественно перекодировано вплоть до потери самостоятельного значения. Два этих стихотворения зеркально повторяют друг друга: начинаясь с описания окружающего пространства через его конкретные компоненты (ночь, река, фонари, месяц), они постепенно перетекают в область размышлений о будущем, очертания которого скрываются за атрибутами настоящего. Различие только в восприятии этого будущего (колебания в его обрисовке – одна из характерных черт восприятия действительности блоковским героем). В обоих случаях вещественность настоящего служит точкой отталкивания для перенесения в мыслимое будущее – то есть за первым планом хронотопа (настоящее) скрывается более ценностно насыщенный второй (будущее).

Интенциональность пространства определяет его *многомерность*. В данных стихотворениях эту многомерность можно назвать временной: за планом настоящего – план будущего. Однако за планом настоящего может стоять и план прошлого. Показательна эта смена временных планов в следующем стихотворении:

Последний пурпур догорал,
Последний ветер вздохнул глубоко,
Разверзлись тучи, месяц встал,
Звучала песня издалёка.
Все упования юных лет
Восстали ярче и чудесней,
Но скорбью полнилась в ответ
Душа, истерзанная песней.

То старый бог блеснул вдали,
И над зловещею зарницей
Взлетели к югу журавли
Протяжно плачущей станицей.
4 августа 1900 [Блок 1997, 35]

Здесь косвенно указано время – наступление ночи («Разверзлись тучи, / Месяц встал»). Однако описание подступающей ночи не является самостоятельным поводом для размышления – это экспозиция, предваряющая основную часть воспоминаний о прошлом, фон, служащий для более экспрессивной передачи переживания (поэтому, несмотря на наличие пространственных характеристик, эта многомерность названа временной – ввиду отсутствия пространственного второго плана).

Не всегда устремленность героя ограничивается только одним направлением – в прошлое или будущее. Порой в стихотворениях хронотоп, служащий отправной точкой для построения перспективы или ретроспективы, объединяет оба этих направления. Такой хронотоп можно назвать *хронотопом переживания* – то есть местом, служащим физической основой для более ценностного внутреннего переживания прошлого или будущего. В стихотворении «Не легли еще тени вечерние...» (1899) мы видим как раз случай разнонаправленного переживания времени: на фоне призрака прошлого начинает «чудиться» возможное будущее:

В этом блеске великое чувствуется,
Но великое я пережил...
И теперь лишь, как тени вечерние
Начинают ложиться смелей,
Возникают на миг суевернее
Вдохновенья обманутых дней... [Блок 1997, 25].

Снова мы видим неактуализированный хронотоп переживания (объективного момента настоящего, физического протекания времени), который держится на нескольких характерных деталях, дающих общее представление о времени или месте (в данном случае очевидно только приближение ночи и наличие водной глади в первых двух строках: «Не легли еще тени вечерние, / А луна уж блестит на воде»). В этом стихотворении герой оказывается в пограничном пространстве «будущего-прошлого», ощущение которого усиливается амбивалентностью переживаний («В этом блеске великое чувствуется, / Но великое я пережил...»). Показательно, что пространство пребывания характеризуется самим лирическим героем аморфно – оно «везде». Действительно, в данном стихотворении происходит совмещение трех пространственно-временных пластов, при этом настоящее выступает как *медиатическое время-пространство*: физические, природные явления настоящего эмблематичны, по сути, являются тем самым первым планом, за которым кроется либо «великое» будущее, либо «вдохновенье обманутых дней».

Кроме временной многомерности можно выделить также *многомерность пространственную*, при которой фактическое пространство пребывания лирического героя служит точкой для переживания пространства скрытого. Фактическое пространство само по себе не является предметом описания, а только местом нахождения, устремленности «из-в». Например:

Отворяются двери – там мерцанья,
И за ярким окошком – виденья.
Не знаю – и не скрою незнания,
Но усну – и потекут сновиденья.

В тихом воздухе – тающее, знающее...
Там что-то притаилось и смеется.
Что смеется? Мое ли, вздыхающее,
Мое ли сердце радостно бьется?

Весна ли за окнами – розовая, сонная?
Или это Ясная мне улыбается?
Или только мое сердце влюбленное?
Или только кажется? Или все узнается?

17 марта 1903 [Блок 1997, 151].

Как и в случае с временной двуплановостью, здесь можно выделить первый и второй план, но уже применительно к пространству. Компонентами стихотворения, выстраивающими структуру первого плана, являются: двери, окна, воздух, весна. Компоненты второго плана более ценностно содержательны, они представляют из себя возможные варианты того, что скрывается за первым планом: мерцанья, виденья, «сердце», таинственная «Ясная». Все стихотворение построено как система догадок, попытка взглянуть иную реальность за реальностью вещественной или объективной.

На примере ранних стихотворений Блока видно, что в этот период возникает то, что можно условно назвать *«отсутствующее настоящее»*. «Настоящее» существует как предзнаменование будущего или точка отсчета для воспоминаний о прошлом (хронотоп переживания). Для лирического героя характерна индифферентность по отношению к настоящему, которое служит поводом для рефлексии или предугадываний. При этом видение этого будущего не всегда связано с условным преодолением «мрака» и стремлением к грядущему свету. Во многих из них звучит провиденциальный страх (например, «Не утоленная кровавыми струями...», 1900; «Ты светла, но я тебе не верю...», 1902). Начиная с *Ante Lucem*, «свет» провидится далеко не всегда.

Можно предположить, что истоки подобного мировосприятия лежат в особенностях мифологического мышления. Бахтин определял отсутствие ценностного компонента в настоящем как «историческую инверсию», предполагающую локализацию идеала в прошлом: «историческая инверсия» рисует «как уже бывшее в прошлом то, что на самом деле может быть или должно быть осуществлено только в будущем, что, по существу, является целью, долженствованием, а отнюдь не действительностью прошлого» [Бахтин 1975, 297]. У Блока нет устойчивого «бгтийного центра»: идеал может рассматриваться и как утраченный в прошлом, и как чаемый в будущем. Кроме того, возможны вообще сомнения в его существовании как «до», так и «после». В любом случае, самоценность настоящего нивелируется, значимость его состоит в том, что оно является всего лишь частью пути, хронотопом выбора, сомнений и, соответственно, стимулирует движение.

Иногда в стихах Блока совсем отсутствует актуализация хронотопа. Если время может выражаться через форму глагола, то место действия в стихотворениях

такого типа можно назвать *минус-пространством*. И.А. Гурвич определял такое явление как «нулевой хронотоп» и связывал это с особенностью тематики лирики, объектом внимания которой становятся вечные темы, а «воплощение этих тем сопряжено нередко с отказом от конкретизации их по отношению к реальности, от ответа на вопросы “где” и “когда”» [Гурвич 1990, 12]. Действительно, нулевой хронотоп присущ лирике как роду литературы, особенно лирике «музыкальной». Но думается, что вызвано это не особенностью тематики. Вечные темы вообще свойственны литературе, да и творчеству в целом. Поэтому, можно предположить, что генезис нулевого хронотопа лежит в формальной области, а именно в точке зрения лирического героя и способе ее выражения.

В лирике мы часто сталкиваемся с отсутствующим внешним пространством – сознание лирического героя зачастую не нуждается в «самоотчете», описании внешней обстановки. Сознание выхватывает только необходимые детали для построения лирического переживания, либо же полностью сконцентрировано на взгляде «изнутри», что позволяет назвать пространство такого стихотворения *интроспективным*.

Интроспективное пространство – пространство внутреннего мира переживающего субъекта – всецело обусловлено особенностями хронотопа переживания (о котором мы писали выше), даже если в отдельных случаях он не присутствует в данном лирическом тексте. К стихотворениям такого типа относятся, например, «Что с тобой – не знаю и не скрою...» (1903), «Когда я уйду на покой от времен...» (1903). В указанных стихотворениях переживание возникает самопроизвольно, вне пространственно-временной условности, в нулевом / интроспективном хронотопе. При этом детали, формирующие пространственную образность, отнесены к будущему. В первом случае – это вещественные детали (подушка, ложе, тень лампы, стена), которые дают представление о замкнутом пространстве комнаты:

Ты поймешь, когда *в подушках* лежа,
Ты не сможешь запрокинуть рук.
И тогда сойдет к тебе *на ложе*
Непрерывный, заунывный звук.

Тень лампы вздрогнет и встревожит,
Кто-то, отделившись *от стены*,
Подойдет – и медленно положит
Нежный саван снежной белизны [Блок 1997, 166].

Во втором стихотворении:

Когда я уйду на покой от времен,
Уйду от хулы и похвал,
Ты вспомни ту нежность, тот ласковый сон,
Которым я цвел и дышал [Блок 1997, 163], –

пространство сохраняется только на интроспективном уровне, хотя в нем возникает мотив перехода из пространства земного мира в инобытие («исчезну за синей чертой»).

В ранней лирике Блока широко представлены стихи «провиденциальные», в которых лирический субъект будто «нащупывает» потенциальные

возможности своего пути, его исход. Таким образом, совокупный хронотоп первого тома содержит возможные варианты пути, которые открываются лирическому герою и которые найдут свое воплощение в дальнейшем. Здесь стоит вспомнить особенность мифопоэтического хронотопа, на которую указывал В.Н. Топоров. Это превалирование периферийного пути, который характеризуется отступлениями, сложностями в движении к «сакральному центру». Со временем путь может даже терять свою ценностную наполненность в глазах героя. Прodelываемый путь – это квинтэссенция мифопоэтического пространства. А само это пространство заполнено вариантами направлений, которые могут быть в нем реализованы [Топоров 1983, 263, 271].

Хронотоп первого тома можно назвать *полифункциональным*, то есть в немедиоментно заложены истоки альтернативных путей, по которым может двигаться лирический герой. Мы указали, например, на двойственность интерпретации героем будущего, на неопределенность положения аксиологического центра. В стихах первого тома уже прослеживается неоднозначность отношения к осознаваемому идеалу, условному «сакральному центру» пути. Стоит только подчеркнуть, что полифункциональный характер пространства тесно связан с симультанным восприятием действительности, что может стать темой отдельной работы.

Все это в совокупности определяет антиномичность поэтики Блока, которая ясно видна уже на раннем этапе творчества. Как нам кажется, анализ лирического субъекта со всеми его модификациями, сменами точек зрения, его функционирование в пространстве текста помогает проиллюстрировать и парадоксальную логичность этих противоречий мирознания и поэтики Блока, которые будут наблюдаться на протяжении всей трилогии.

Напомним еще раз, что между лирическим героем и художественным пространством-временем существует тесная связь. Любое «переживаемое пространство» [Башляр 2004, 22] несет в себе след сознания «переживающего» субъекта, который, в свою очередь, также формировался под воздействием окружающего пространства, – это отношения взаимообусловленные (в переиздании «Поэтики пространства» 2021 г. [Башляр 2021, 31] – «обжитое пространство»). Мы используем первый вариант перевода и заимствуем его как более подходящий для нашей терминологии в значении «пространства, пропущенного через воображение», вне зависимости от его принадлежности к понятию «дома» и «образам счастливого пространства», как это было у Башляра). Очевидно, что пространство первого тома достаточно «разрежено» и неконкретно, имеет двуплановую структуру. В целом это пространство можно назвать постоянно ускользающим и нестабильным. Зыбкость пространственно-временного окружения формируется амбивалентностью переживаний лирического героя (скептицизм / вера по отношению к идеалу, двойственность видения будущего и прошлого) и само, в свою очередь, определяет их неоднозначность. Именно это обусловило в итоге нахождение героя «на распутье». Налицо попытка выбраться из зыбкого пространства, формирующего внутреннюю «расщепленность», а не сомнения в своем поэтическом идеале, обусловленные уходом из условного рая «Стихов о Прекрасной Даме», как это обычно трактуется.

Как мы пытались показать, ранняя лирика Блока слишком противоречива и полнотональна, чтобы соответствовать стабильности райского топоса. Видимо, по этой же причине в поэзии Блока наблюдается усиление роли конкретных образов, пространство становится более сгущенным, осязаемым, ощутимым. И уже в «Распутях» пространство приобретает более визуализированный облик.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. С. 234–407.
2. Башляр Г. Избранное: Поэтика пространства. М.: РОСПЭН, 2004. 376 с.
3. Башляр Г. Поэтика пространства. М.: Ад Маргинем Пресс: Музей современного искусства «Гараж», 2021. 320 с.
4. Блок А.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. Т. 1. М.: Наука, 1997. 642 с.
5. Блок А.А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 8. М.: Художественная литература, 1963. 776 с.
6. Быстров В. Н. Генезис и семантика противоречий в сознании и творчестве А. Блока // Русская литература. 2008. № 2. С. 28–41.
7. Гурвич И.А. Формы хронотопа в лирике // Пространство и время в литературе и искусстве. Вып. 4. Даугавпилс: ДПИ, 1990. С. 12–14.
8. Лотман М.Ю. Художественное пространство в прозе Гоголя // Лотман М.Ю. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М.: Просвещение, 1988. С. 251–293.
9. Повалко П.Ю. Пространство и время как категории художественного текста // Вестник РУДН: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2016. № 3. С. 106–112.
10. Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М.: Наука, 1983. С. 227–284.
11. Федоров Ф.П. Романтический художественный мир: пространство и время. Рига: Зинатне, 1988. 454 с. 12. Федотова С. В. Лингвофилософские новации русского символизма в интерпретации Л. А. Гоготишвили (Вяч. Иванов и А.Ф. Лосев) // *Studia Litterarum*. 2019. № 2. С. 252–273.

REFERENCES

(Articles from Scientific Journals)

1. Bystrov V. N. Genesis i semantika protivorechiy v soznanii i tvorchestve A. Bloka [Genesis and Semantics of Contradictions in the Consciousness and Art of A. Blok]. *Russkaya literatura*, 2008, no. 2. pp. 28–41. (In Russian).
2. Fedotova S.V. Lingvofilosofskiy novatsii russkogo simbolizma v interpretatsii L. A. Gogotishvili (Vyach. Ivanov i A.F. Losev) [Linguo-philosophical Novations of Russian Symbolism in the Interpretation of L.A. Gogotishvili (Vyach. Ivanov and A.F. Losev)]. *Studia Litterarum*, 2019, no. 2. pp. 252–273. (In Russian).
3. Povalko P.Yu. Prostranstvo i vremya kak kategorii khudozhestvennogo teksta [Space and time as the categories of literary text]. *Vestnik RUDN: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika*, 2016, no. 3, pp. 106–112. (In Russian).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

4. Bakhtin M.M. Formy vremeni i khronotopa v romane [Forms of Time and Chronotope in the Novel. Essays on Historical Poetry]. Bakhtin M.M. *Voprosy literatury i estetiki* [Questions of Literature and Aesthetics]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1975, pp. 234–407. (In Russian).
5. Gurvich I.A. Formy khronotopa v lirike [Chronotope Forms in the Lyrics]. *Prostranstvo i vremya v literature i iskusstve* [Space and Time in Literature and Art]. Issue 4. Daugavpils, Daugavpils Pedagogical Institute Publ., 1990. pp. 12–13. (In Russian).

6. Lotman M.Yu. *Khudozhestvennoye prostranstvo v proze Gogolya* [“Artistic Space in Gogol’s Prose”]. Lotman M.Yu. *V shkole poeticheskogo slova: Pushkin. Lermontov. Gogol’* [At the School of the Poetic Word: Pushkin. Lermontov. Gogol’]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1988. pp. 251–293. (In Russian).

7. Toporov V.N. *Prostranstvo i tekst* [Space and text]. *Tekst: semantika i struktura* [Text: Semantics and Structure]. Moscow, Nauka Publ., 1983, pp. 227–284. (In Russian).

(Monographs)

8. Bachelard G. *Izbrannoe: Poetika prostranstva* [The Poetics of Space]. Moscow, ROSEN Publ., 2004. 376 p. (In Russian).

9. Bachelard G. *Poetika prostranstva* [The Poetics of Space]. Moscow, Ad Marginem Press Publ., Muzei sovremennogo iskusstva “Garazh” Publ., 2021. 320 p. (In Russian).

10. Fedorov F.P. *Romanticheskii khudozhestvennyi mir: prostranstvo i vremya* [The Romantic Art World: Space and Time]. Riga, Zinatne Publ., 1988. 454 p. (In Russian).

Насуева Аида Магомедсаидовна,

Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН.

Младший научный сотрудник, аспирант Отдела русской литературы конца XIX–XX вв.

Научные интересы: русский символизм и авангард, субъектная организация текста, художественное время и пространство, суггестивность лирического текста, коммуникативный потенциал текста.

E-mail: katz.aerozeppelin@gmail.com

ORCID ID: 0009-0009-3896-591X

Aida M. Nasueva,

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences.

Junior Researcher, PhD student, Department of Russian Literature of Late 19th and Early 20th Centuries.

Research interests: Russian symbolism and avant-garde, subjective organization of the text, chronotope in literature, suggestiveness of the lyrical text, communicative potential of the text.

E-mail: katz.aerozeppelin@gmail.com

ORCID ID: 0009-0009-3896-591X